

Приложение

Планы и наброски Достоевского

1. «Император».
2. «Юродивый».
3. «Повесть о капитане Картузове».
4. «Смерть поэта».
5. «Романист».
6. «Мысль на лету»

1. «Император»

План романа «Император» связан с попыткой Мировича освободить из тюрьмы Ивана VI Антоновича.

«Тюрьма, тьма, юноша: он не умеет говорить, Иван Антонович, почти двадцатилетний. Описание характера. Его развитие. Он растет сам по себе, фантастические образ и фигура, снег, девушку видит во сне. Представление о всех предметах. Страшная фантазия, мыши, кот, собака.

Молодой офицер, адъютант коменданта задумывает переворот, чтобы провозгласить его царем. Знакомится с ним, подкупает старого инвалида, который ему прислуживает и приходит к нему. Встреча. Его удивление, радость и страх; дружба. Он развивает душу заключенного, учит его, говорит с ним, показывает ему девушку (свою невесту). Дочь коменданта, через которую все это происходит, соблазняется идеей сделаться царицей. Наконец, он ему открывает: «Вы царь, вам все возможно». Образ власти («оттого я так почтителен с вами, я не равный вам»). Пленник так его полюбил, что раз говорит: «Если ты мне не равен, то я не хочу быть царем». Это значит, что он не желает потерять его дружбу.

Из окна чердака показывает ему мир (девушку и другое). Наконец, восстание. Комендант своею шпагой убивает царя. Тот умирает возвышенно и печально.

НВ. Он показывает ему Божий мир. Все твое, только пожелай! Вперед! Это невозможно! — Если это не удастся, то придет смерть. — Что такое смерть? — он убивает кошку, чтобы показать ему кровь. Впечатление столь ужасно, я не хочу жить, если такое бывает, если из-за меня кто-нибудь умрет, если ты умрешь, если она умрет. Мирович во вдохновении объясняет ему противоположный взгляд и много говорит о том, что он, сделавшись царем, может сделать столько добра. Это его воспламеняет.

Мирович энтузиаст, он объясняет ему понятие Бога и Христа (он показывает ему свою невесту, дочь коменданта, с которой он в соглашении). Она не пытается соблазнить отца: суровый старик, служака, не согласится на безумную авантюру.

Невеста согласна. Она приходит показать себя, пышно одетая в бальном платье с цветами. Восторг царя. Невеста поражена тем впечатлением, которое она произвела на него, она начинает мечтать о том, чтобы стать царицей. Мирович это замечает, ревнует, царь видит его ненависть, его ревность, его злые взгляды, не понимает, но чувствует, в чем дело. Мирович отправляется в Петербург. При виде коменданта Иван Антонович смущен: «Я видел его в детстве».

Замысел «Император» ответвляется в процессе работы над «Идиотом». Иван Антонович похож на князя Мышкина. Человек «не от мира сего», «странный человек», чистый сердцем, живущий своей фантастической жизнью вне истории и культуры. У князя «идиотизм», болезнь, санатория; у «царя» пожизненное заключение, позднее развитие, тоже своего рода идиотизм. Мирович играет одновременно роль профессора Шнейдера, делающего идиота человеком, и Рогожина, ревнующего к своей невесте. Дочь коменданта, — честолюбивая красавица, напоминает Настасью Филипповну. Царь

потрясен первым столкновением со смертью (убийство кошки) и поражен откровением женской красоты (встреча с дочерью коменданта). Также и князь Мышкин (впечатление от смертной казни Легро и от портрета Настасьи Филипповны). Царь столь же доверчив, наивен и полон любви, как и герой «Идиота»; оба погибают трагически. В план нового романа попадает мотив из «Преступления и наказания»: добывание власти путем пролития крови и оправдание «восстания» возможностью сделать много добра.

2. «Юродивый (Присяжный поверенный)»¹

Любитель старого платья. Добрый и благородный человек. Берет в дом сирот (девочка с собачкой). Благодетель многих. Облагодетельствованные его же обвиняют: он ходит к ним просить прощения и их мирит. Полная квартира детей, кормилиц и нянек. Мирит детей. (Женится. Жена изменяет и бросает. История за детей. Потом опять приходит к нему: заставляет его драться за себя на дуэли. Рыцарские поступки. Умирает жена.) Старое платье. Портные, домашние смеются, что у него старое. Он уверяет, что у него совсем новое. Дуэль из-за платья. Не выстрелил и одумался на шаге расстояния (связался с преступником–убийцей). Защищал его в суде: речь. После дуэли примирение. Большой спор, зачем не выстрелил с шагу расстояния? После бутылок! А неужели, неужели мое сукно не отливает в синий? (уже после дуэли? Ему сказали, наконец, что отливает).

В работе над замыслом «Идиота» Достоевский набрасывает этот вариант «положительнопрекрасного» человека. Детское окружение сближает эту заметку с набросками к «Идиоту»

3. «Повесть о капитане Картузове»

В записных тетрадях, наполненных набросками к «Идиоту», встречается подробно разработанный план «Повести о капитане Картузове». Достоевский составлял его в 1868 г. одновременно с работой над «Идиотом». Нелегко разобраться в отрывистых записях, в беспорядочных заметках, написанных вне всякой хронологической последовательности, в противоречащих друг другу вариантах, в загадочных словечках–намеках на ту или другую ситуацию, в отрывках диалогов, в словесных формулах, записанных в тетрадь для памяти; и все же из хаоса нагроможденных материалов возможно выделить основную линию фабулы и воссоздать образ героя.

Капитан Картузов — духовный брат князя Мышкина. В процессе созидания романа «Идиот» он выделился из той же психологической «туманности», из которой был образован Мышкин. Он воплощает одну из возможностей, неосуществленных в князе, — «прекрасный человек» в комическом аспекте, нелепый рыцарь, смешной провинциальный Дон–Кихот.

Можно предположить, что в те минуты, когда «Идиот» казался Достоевскому «положительной неудачей», он в отчаянии хватался за другую возможность изображения «прекрасного человека», за концепцию юмористическую. Этот путь представлялся ему более легким, более традиционным; здесь у него были великие предшественники: Сервантес и Диккенс. И, однако, повесть осталась ненаписанной. Достоевский скоро понял обманчивость этой кажущейся легкости; его трагическому и жестокому гению добродушие юмора было совершенно несвойственно.

«Повесть о капитане Картузове» — история любви чистого сердцем рыцаря, смешной рассказ о «неловком человеке», платоническом любовнике и нелепом поэте, и вместе с тем печальная повесть о гибели прекрасного, осмеянного и не знающего себе цены. Русский Дон–Кихот тоже воин; это капитан, недавно переведенный в Ревель из какой-то крепости. Прошлое его в тумане; жил он в захолустье, в фантастическом мире; жизни он совсем, до странности, не понимает: он «как с луны свалился». Эта крепость, эта

полуреальная даль, из которой внезапно является Картузов, соответствует не менее туманной швейцарской санатории князя Мышкина. Оба они странные люди, чудачки, юродивые, бродящие в этом мире как впотьмах, замороженные своей мечтой, взрослые дети с безграничной наивностью и доверчивостью. Картузов влюбляется в прекрасную амазонку и преклоняется перед ней, как Дон-Кихот перед Дульсинеей. Достоевский концентрирует его отношение к даме в одном жесте-символе: чтобы «показать почтение» своей избраннице, он при встречах с ней неизменно прикладывает руку к картузу — отсюда его идеологическое наименование: Картузов.

«Повесть о капитане Картузове» делится на две части; в первой из них действие происходит в Ревеле, во второй — в Петербурге. Рассказчик — человек «со стороны»; он ничем не связан со средой, в которой живет, и с обществом, его окружающим; его повествование может быть вполне объективным. Это — «хроника».

Вот начало повести.

«Ревель — город приморский, в заливе, туда съезжаются купаться... Город немецкий и имеющий претензию быть рыцарским, что почемуто очень смешно (хотя он и действительно был рыцарским).. Я случайно принадлежал или, точнее, не принадлежа, был особенно связан с маленькой кучкой офицеров по береговым построениям Из молодежи было несколько веселых людей, но всего более внимания возбуждал тогда между нами капитан Картузов. Он был вновь определившийся, перешедший из какой-то крепости... Картузов в Ревеле внове. Сделал всем визиты... Мало-помалу я заметил, что он доверяет мне больше других и даже заметил попытки на дружбу со мной».

Для «смешного рыцаря» Картузова найдено достойное место действия — «смешной» рыцарский город Ревель. Начало повести действительно звучит «по-пушкински». Невольно припоминаются первые строчки из «Выстрела»: офицерская среда, в центре которой загадочный романтический герой (Сильвио-Картузов).

Далее идет подробная характеристика героя: «Нотабене: комичнее, загадочнее и интереснее поставить с первого раза фигуру Картузова перед читателем. Все хищные и романтические моменты при всей своей правде и действительности должны быть *уловлены из природы с комическим оттенком*».

Итак, Картузов — романтический герой, он генетически связан с пушкинским Сильвио, хотя в развитии повести мотив «хищности» остался неразработанным. Романтическая загадочность его снижена «комическим оттенком». Его подвиги в первой части повести напоминают не столько Сильвио, сколько Грушницкого. «Молчалив, сух, вежлив, наивен, доверчив. Вдруг изрекает мысли. Чаще молчит и краснеет, не умеет говорить. Целомудрен. Приходит, молчит, сидит, уйдет, курит. Ган-Исландец... Картузов — сумасшедший, дикий и молчаливый человек. Самый неловкий человек, которого я только знал. Вообще вся повесть могла назваться: «Рассказ о неловком человеке...» Картузов плохо говорит, недоговаривает. Никогда не конфузится, очевидно, не подозревая себя смешным. Довольно деловой, если надо. Держит себя хорошо, строго по форме. Но хорошо только до некоторой меры, покамест можно молчать и не требуется ничего делать. Но когда надо двинуться или заговорить, то часто себя при первом жесте компрометирует, а иногда откинет такое колено, что всем оно неожиданно странно и наконец уж делается смешно... Он был ужасно необразован. Мне ужасно трудно было узнать, что он знает и чего не знает. О Пушкине, стихи — краснел и молчал, но вежливо отвечал, если спрашивали... Я спрашивал в ужасном удивлении: «Где вы были до сих пор, капитан (то есть, где служили, с кем жили и как смогли до таких лет без катастрофы дожить)? Ибо при вас-де надо няньку. Вас нельзя одних пустить». Картузов вопроса не понимает. Впрочем, сообщает равнодушно и бес связно две-три черты из прежней жизни, из которых многое ужасно странно. Разговор прерывает, и потом он не возобновляется».

Фигура Картузова выставлена автором действительно загадочно. Что он за человек, каково его прошлое? Что значат его странности? Верный своему обыкновению, Достоевский намекает на трагическую развязку повести — гибель Картузова: «Как смогли

вы до таких лет *без катастрофы* дожить?» И катастрофа уже приближается.

В Ревель на купанье приезжает богатая и знатная красавица Елизавета Кармазина со своим женихом графом. Картузов видит ее на прогулке верхом и сначала осуждает, находит, что девушке неприлично ездить амазонкой, но она с первого же взгляда поражает его воображение. К графу он чувствует внезапную ненависть. В кружке офицеров говорят о приезде Кармазиной с женихом.

«Картузов выражается резко о лакействе, краснеет, молчит; говорит, что, если я уронил картуз... (ужасно сбился, недокончил и замолчал). Встал: его напирать. Кого? — графа. Я уверен, что он подлец. Первое мнение Картузова о том, что граф должен быть подлец, — совершенно без основания, не подкрепленное никакими доказательствами, но высказывается до невероятности горячо».

Так намечена автором завязка повести: внезапное зарождение любви Картузова к Кармазиной и ненависти к ее жениху. С графом он ведет себя вызывающе, «лезет в драку». Встретившись с ним, не уступает ему дороги и сталкивается «плечо о плечо». Достоевский повторяет здесь известный эпизод из «Записок из подполья». Граф возмущен. Картузов торжествует. «Маленький скандал».

Наконец рассеянный мечтатель попадает под лошадь «амазонки». Он встает невредимым, но этот случай решает его судьбу: он влюблен. «Пламень и восторг». Кармазина присылает справиться о его здоровье. На другой день он идет благодарить ее за внимание и говорит ей: «Для такой красоты рад умереть тридцать раз...» Присутствующий при этом свидании граф смеется над ним. «Это слишком много». Картузов вспыхнул. «А вас здесь не спрашивают». В замешательстве разбивает чашку.

После визита к Кармазиным Картузов бежит к рассказчику и делится с ним своими впечатлениями.

— Я там разбил чашку, но они, наверно, мне все простят... и я... одним словом — я молодец!

— Ото, капитан!

— Оно все этот проклятый граф, тем более, что я так деликатно высказался. Оно, по-видимому, грубо: тридцать раз готов падать под вашу лошадь. Падать — значит кувыряться, скверно, грубо и нахально; одна мысль, что порядочный человек, т. е. капитан, и еще какой капитан, летит, летит в панталонах и в эполетах и все это ^/кувырком и еще тридцать раз по дороге. Идея грубая и нелепая, которая может быть в последней крайности допущена, но вместе с тем и в высшей степени деликатная идея. Тонкая идея! Потому, за что летает, за что, спрашивается, он соглашается летать тонкую кувырколегию, хотя и кувырком вверх ногами? Тут подразумевается такая тонкая, такая высшая мысль, что все вместе составляет необычайную деликатность. Такую деликатность, что хотя бы и самое высшее общество, вот что! Таково мое мнение! Но далее этот граф все испортил. В самом деле, я вовсе не к нему приходил, что он лез меня прерывать и издеваться над каждым моим словом?»

Наступает время полного блаженства для Картузова. «Первая любовь Картузова была временем его высочайшего счастья». Он много раз заходит к Кармазиным, но его не принимают. Ему хочется чем-нибудь «доказать свою любовь». В молчаливом и застенчивом человеке вдруг пробуждаются романтические и даже «хищные» чувства. Автор намечает разные подвиги Картузова: он стреляет из ружья, покупает медведя и повсюду водит его за собой, собирается полететь на воздушном шаре. Капитан начинает заботиться о своей наружности, франтит, помадится. Офицеры издеваются над ним и в его присутствии публично обсуждают его любовь к «амазонке». Однажды, чтоб подшутить над ним, они заставляют его в полной форме броситься в воду, уверяя, что одна из купальщиц тонет. Картузов, «спасая красоту», торжественно выносит из воды голую женщину. Его спрашивают, осмелился ли бы он прикоснуться к купальщице, если бы это была Кармазина. Он отвечает: «Она будет купаться не так, как все, не из купальни, а как-нибудь особенно... Наверно, у них своя купальня обтянута бархатом». — «Да ведь бархат

замочится», — возражают ему.

Он посылает своей даме любовные письма и стихи и всем об этом рассказывает. Достоевский записывает для себя подробный и тонкий анализ чувства Картузова.

«Картузов влюбляется непосредственно и вдруг таким процессом, что как будто это неминуемо, по-восточному, и иначе и быть не могло. Это даже собственно не влюбленность и не любовь, а только *необходимое* и *неминуемое обожание*. Началось оно с дамского седла буквально, и через седло (т. е. через красоту) прямо приписаны ей Картузовым все совершенства нравственные и физические до высочайшего идеала; но в этих совершенствах идеала, раз приписав их ей. Картузов не только не сомневается, но не может даже и подумать и допустить хоть краешек мысли и сомнений... Главное его поразило: *Амазонка*. Должно быть, он мало, а может, и совсем не видал амазонок... Это в нем не мнение какое-нибудь, не заключение, не убеждение, а нечто вроде веры, вроде положительного факта, который до того осязаем и положителен, что не только теряет возможность составить вопрос, но даже становится незаметен, так, например, можно жить в доме, перед которым на поляне четыре дерева, и, прожив год, не знать, сколько именно деревьев — четыре или три; или жить в Вевее, любоваться горами на другом берегу озера и не знать и даже ни разу не спросить себя, а каковы очертанья этих гор. Убеждение вполне дон-кихотовское, с той разницей, что Дон Кихот все-таки создал себе *вопрос* из своего убеждения, иначе не нашел бы необходимости выехать на дорогу и защищать это убеждение копьем, а Картузов не предполагает и ни разу не подумал о возможности, что ктонибудь может не соглашаться с ее совершенством...»

«Картузов, будучи на высшей степени обожания, не находит ни малейшего неприличия ни в своем обожании, ни в поступках своих, т. е. стихах, и именно потому, что и не предполагает возможности жениться на ней, не допускает и краешка мысли о равенстве с нею (но что стихи от него принять можно, потому что он капитан). Так что, когда случайно об этом заходит вопрос, он спокойно, без волнения и без всякого страдания даже разрешает, что он не достоин».

«Я дивился сначала, что Картузов так нецеломудрен, что несет свою любовь и страсть на обсуждение всех, но я понял, что тут очень много простодушия, уважения к другим, уважения к высоте своей страсти, а главное — была невозможность сопоставить себя, как равного, полное самомнение, как о низшем. Может быть, и некоторая досада и мщение на непризнававших его страсти Кармазиных».

Так намечена высокая любовь Дон Кихота: более вера, чем чувство, младенчески чистая и невинная. В грешном мире святость этой любви вызывает глумление, искажается в комическом. «Не знающее себе цены прекрасное» осуждено на гибель. После посещения Кармазиных капитан живет в мире своей мечты; в их гостиной он мельком видел вазы и статуи, — и они особенно поразили его воображение. Он мечтает о том, что у него будет квартира с вазами и статуями.

«Ужасно мечтателен. Некоторое время приходит ко мне дня два сряду с мечтами: квартира, вазы, ковры, несколько дорогих картин, одна статуя: вакханка ищет землянику. И сверх того: я делаю добрые дела... Вдруг вопрос: почему статуи голые?.. Скажите, если вакханка ищет землянику, почему зад голый?.. Вы думаете?.. Я думаю, что это только заявление поэтической мечты и более ничего... Пришел, сел, молчал, спросил, встал и ушел. Курил беспрерывно... Картузов, которому дела нет до миллионов других, в восторге от ваз, картин у *ней*».

И автор прибавляет, что капитан, может быть, и видел вазы у Кармазиных, но преувеличил, а может быть, никаких ваз и не было, «все выдумал».

Наконец, Картузов приносит рассказчику свои стихи:

О, как мила она
Елизавета Кармазина,
Когда с знакомым на седле летает,
А локон ее с ветрами играет,

Или когда в церкви с матерью падает ниц
И зрится лишь румянец благоговейных лиц.
Тогда молюсь и трепещу и наслаждений желаю.
И ей вслед с матерью слезу мою посылаю.
А вот отрывок из другого стихотворения:
Отец с чинами в царской службе,
Семейный ангел жил в семье...
(Отец значительный по службе)
Имел детей. Но рифму я на е
Сыскать не мог, что не мешает нашей дружбе.

В письме к Кармазиной Картузов пишет: «Вы носите имя русской славы. Нося имя русской славы, вы, конечно, не заметили обожающего вас капитана Петра Картузова». И далее простодушно сообщает ей о своих надеждах и успехах по службе.

Картузов признается рассказчику, что письмо со стихами он уже отослал. Между ними происходит следующий диалог: «Я спрашиваю: разве он надеется?

— Нет, нет, я знаю, что мне невозможно. Невозможно!

— Зачем же вы пишете в письмах туда о жаловании, службе, надеждах и даже рисуете квартиру в маленьком домике?

— Так. Для игры и для простодушия. Я сам знаю, что это воображение. Так. Но меня тешит воображение. Я поминутно мечтаю: а что кабы можно?

— Но как же посылать-то?

— А что? (Удивление)... Да ведь это все правда, я ведь сам поминутно мечтаю, и ей надо принимать, что это одно только воображение.

— Но ведь это ей может быть неприятно?

— Не думаю.

— Но это скандал. Вы ее бесславите.

— Почему? Я заявляю всем, что влюблен, но не изъявляю претензий.

— Неприлично. Вы себя в фальшивое положение ставите.

— Чем?

— Да они вас шутком считают.

— Шуты и считают. А Елизавета Николаевна не может смеяться в насмешку. Если и засмеется, то каким-нибудь божественным смехом. А, впрочем, пусть, если б даже и в насмешку: ведь я искренне пишу. Впрочем, что мне: наплевать на всех. Кроме, разумеется, Елизаветы Николаевны. Впрочем, я уверен, что тут этот подлец нагадил, оттого и смех.

— Сами-то вы зачем же говорите, что «пламень и восторг»?

— Да ведь это сильное выражение.

— Пусть. Будьте объаты пламенем и восторгом, но об этом не говорят, как будто это и вам неведомо. Это сильнее.

— Почему?

— Вы точно ребенок. Вам все почему. Ну, потому, что коли уж сознали, значит, в вас натуральный-то пламень уже поутих.

— Поутих. Гм. **Я**, встречаясь, буду говорить уважение, т. е., что уважаю вас одну.

— Пожалуйста, не прибавляйте, что вы одному графу не будете прикладываться. Да и вообще я бы вам советовал совсем не прикладываться и проходить мимо так.

— Нет, нет, нет, нет!.. Это значит, какие бы соображения и по службе не наполняли голову, несмотря на то — лишь раздастся призыв — и готов Картузов: уважение!»

Рассказчик не одобряет его стихов.

«Одно мне кажется дурно: это «с ветрами». Картузов вспыхивает: «Только подлец может этому дать другое значение».

О втором стихотворении он говорит: «Отец — это я, муж, а о рифме: это шуточный тон». И прибавляет: «Надо познакомиться с каким-нибудь из поэтов».

«Заходил к Полонскому, оставил карточку. Хотя он и стоит на том, что он ничтожен и недостойн, а все же в письме делает предложение... Когда читает мне: «отец на службе», то после моих увещаний говорит: «Я мечтаю!» Но в то же время про брак думает. «А почему бы ей не выйти за меня? Единственно потому, что граф, но неужели она любит этого графа? Но он подлец».

«Вы хотите ее уведомить, что он подлец?» — спрашивает рассказчик. «Задумался, хотел писать письмо, но потом сказал: «Это невозможно».

«Если вразумлять Картузова, он слушает с удивлением и потом вдруг погружается в задумчивость, в которой и потеряется... У него иногда вдруг отдельные сентенции после грустного раздумья: «Как это люди не умеют устроиться! Жили бы, любя друг друга, и находили бы в этом истинное счастье».

Вдруг задает вопрос: «Можно ли умереть от благородства души?»

Письма и стихи Картузова ходят по рукам. Офицеры устраивают шутовское совещание о его сердечных делах. «Комиссия» решает, что Картузов должен похитить свою прекрасную даму. Тот слушает внимательно, но не одобряет. Рассказчик, возмущенный этой сценой, уводит капитана из собрания.

— Да ведь они смеются!

— Неужели?

— Эх вы! Охота вам все высказывать! **Вы**, как Дон Кихот, вам дела нет, что дева хоть и замужем, — вы все так верно любите.

— Неужели они *так* любили! — отвечает Картузов.

И вдруг капитан решает помириться с графом. Он идет к нему, чтобы узнать, достоин ли он своей невесты. Задает ему вопрос: «Любите ли вы истинно, или за деньги? Правда ли, что вы женитесь по расчету? Как же мне не узнать правду, если я готов отдать все тело за малейшую ее выгоду».

Достоевский намечает психологическую мотивацию странного поступка своего героя.

«Разумеется, все, что касалось с этих пор Кармазиных, составляло для Картузова вопрос жизни и смерти, и потому является идея: *охранять* Кармазину. Даже ревности в нем нет и ревностью он нимало не мучится. К графу он не ревнует нимало, но *высшее человеческое назначение*, забота, роль — пробуждаются в нем в вопросе: достоин ли граф вполне?.. Так что главная его забота не в том, что граф не любит (и ему соперник), но в том, что граф мало достоин ее, и чуть ли не в том, что мало любит ее. Картузов именно хлопочет, чтобы граф не *мало*, а *много* любил ее. Помирившись с графом, он становится его трубой, трубит о его достоинствах, добродетелях, будущих успехах, богатстве, красоте, пишет обоим стихи. Наконец дружится с графом, не выходит от него, входит в его интересы и любимый его разговор с графом о графском будущем и с восторженным упоением мечтателя устраивать это будущее. Но Картузов, хотя и смешон графу своей внезапной к нему дружбой, но держит себя так просто и с таким достоинством, что граф никак не может обратить его в шута (что бы желал). Он очень умен, чтоб не понять Картузова, хоть и гадок сердцем. Когда граф его отвергает, наконец, грубо и в досаде. Картузов выходит, тихо прощая ему».

Наступает развязка первой части повести. Какой-то проходимец появляется вечером в офицерском собрании и рассказывает скверные истории о графе: у него была связь с гувернанткой француженкой, которая вдруг приезжает в Ревель, поносит графа и уверяет, что он ей должен шестьдесят тысяч. Защищая честь Кармазиной. Картузов отправляется к «мамзели». «Ее уморительный, серьезный и нагло-наивный рассказ». «Картузов вежливо с ней расстается, ничего не сказав, а потом в разговоре сухо и коротко: стерва». Тотчас же он посылает графу письмо: «Есть разные тоны, между которыми тон подлеца всплывает иногда наверх. Я слышал этот тон подлеца, и этот тон, пока не доверю секрета бумаге, будет раздаваться в ушах моих. Я щажу свои уши, и, если в мою частную жизнь заглядывает подлец, — я ищу ушей подлеца. Человеческое душевное спокойствие,

наблюдая ему данный удел, спит, нерастревоженное посторонними обстоятельствами. Но когда просыпается, изменяется с обстоятельствами. Изливаю все в полной откровенности. Насчет же названия подлец, увижу, что вы сделаете.

Без уважения и обязательно для каждого, подписывающего письмо, слуга П. Картузов».

Граф в бешенстве бьет Картузова хлыстом, тот вызывает его на дуэль. Граф соглашается, но капитан «ставит условием», чтоб граф стрелял первый, а что он стрелять не будет. На это граф смеется, удивляется и сердится. Картузов объясняет.

«Для Катерины Григорьевны¹. Он — избранник. Пусть он знает, что я вполне уступаю ему Катерину Григорьевну». — «Но это глупо! — восклицает граф. — Он дурак!».

Через три часа слухи о предстоящей дуэли доходят до коменданта, он арестовывает Картузова, но по просьбе Кармазиных и графа немедленно его выпускает.

Дуэль так и не состоялась: в тот же день «амазонка» упала с лошади и сломала себе ногу. «Картузов поражен, замолчал, заболел горячкой».

На этом кончается первая часть.

Во второй части действие переносится в Петербург. Кармазина была больна шесть недель, и ей отрезали ногу. В начале зимы Картузов, выздоровев от горячки, «без волос, с еще большими впалыми глазами», приезжает в Петербург. Он узнает, что граф отказывается жениться на хромой Кармазиной, и записками требует у него объяснения. После долгих усилий, он, наконец, добивается свидания с графом и спрашивает его: — «Где же ваша любовь?»

Граф отвечает: «Вы такой же Дон-Кихот. Согласитесь сами, что я мог слишком избавить себя от объяснения с вами. Я не связан».

— Но, однако ж, объяснитесь.

— Екатерина Григорьевна сама мне отказала. Она хочет в монастырь — поэзия, звон вечернего колокола и слезы.

— Если сама, то вы, конечно, не могли противустать ее намерениям, но вы должны были настаивать.

— Но, позвольте, вы против своих интересов, если заставляете меня жениться, вы бы должны радоваться, что место свободно. Ведь вы тоже влюблены в Катерину Григорьевну, почему вы сами не женитесь?

— Урод и т. д.

— Совсем нет, вы молодец. Картузов покраснел.

— **Вы** подлец.

— Ну, а вы — дурак. Вы опять хлыста захотели. Только я теперь не хлыстом, а чтобы вас заперли в сумасшедший дом.

— Подождите, я справлюсь, связаны ли вы, или развязаны, и тогда мы встретимся.

Граф его выгоняет».

Картузов отправляется к рассказчику и «развивает мысль, что ему подвертываться при таких обстоятельствах в женихи — подлость и пошлость и граф, стало быть, подлец. Но мысль зреет; через три дня: «А почему же нет? (действительная жизнь берет свое). Сломала ногу, так и мне обрадуется. Мечты и восторг. Картузов воспламеняется и делает предложение; в письме изъясняет свои генеральские надежды и прилагает стихи о будущем счастье».

Он пишет: «С тех пор, как меня опрокинули лошадью, с тех пор наступило мое счастье (дуэль была только игра), и вдруг все рухнуло... И к Екатерине писали Державин и Сумароков, да еще как: *ты* высоким слогом: В радостной своей судьбине Ликовствуй, Россия, ныне.

¹ В набросках к «Повести» Кармазина называется то Елизавета Николаевна, то Катерина Григорьевна.

К письму он прилагает стихи:
Краса красот сломала член
И интересней втрое стала
И втрое сделался влюблен
Влюбленный и прежде не мало.
Исчезло все! Похоронен
Один из членов молодых,
Но я и остатками пленен
И даже хотя бы и вовсе не было их.
Позвольте же любовь излить,
Принять извольте предложение,
Чтоб в браке вместе потерянный член забыть,
А с оставшимся изведать законное наслаждение.

Сделав предложение, капитан «для тона» переезжает в гостиницу Лондон. В разговоре он замечает: «Гостиница Лондон; там стоят самые значительные лица... А есть в Петербурге Красный Кабачок, так там все генералы и самые значительные из камергеров собираются.

— Н—не знаю...

— Я знаю. Это так. Потому вот и я хочу там собираться, чтобы у Лизаветы Николаевны знали, что я самый светский, так сказать, с некоторым богатым и барским метанием золота на зеленое сукно».

«Наменял золота перед отъездом в Красный Кабачок. Ничего не нашел. Драка с половыми».

Наконец Кармазина принимает его у себя и вежливо отказывает. Картузов выслушивает, задумывается и говорит: «Да, я подлец!

— Почему?

— Смысл, что воспользовался колченогим положением и осмелился подумать, что сам вам равен настолько, что могу сделать предложение.

— Почему же? Почему же?

Отрывает: урод. Без роду и племени. Тетка моя чухонка у ихнего пастора на мызе жила. Говорить по-человечески всю жизнь не умела.

— Это, конечно, могло служить препятствием, но... но, во-первых, капитан, об этом и речи не было, и я слишком, слишком прошу вас не возвращаться к этому предмету. Я отказываю не потому и т. д.

— Это он, подлец, меня научил!

— Кто?!

— Граф! Он будет у ног ваших.

— **Не** смейте. **Что вы с ним хотите** сделать?

— **На** дуэль».

Она берет с него слово, что он не затеет истории.

В записных книжках начало второй части сохранилось в двух вариантах. Согласно второму варианту. Картузов несколько раз заходит к Кармазиным, его не принимают, наконец к нему выходит управляющий и просит его прекратить посещения. Капитан заявляет, что, «имея благородное соревнование и честное намерение», прекратить не может. «Я не перестану». Управляющий отвечает: — Но, милостивый государь, мы найдем на вас удерж, мы употребим все строгости. (Картузову говорят о мерах строгости! Ужас!)

— Но кто вы такой?

— Но кто вы такой? Я желаю слышать ответ из самих уст Екатерины Григорьевны.

— Этого вы не услышите, а насчет того, кто такой я, то я уже объявил вам, я в сем деле уполномоченный и, кроме того, отправляюсь сейчас же к г. обер-полицмейстеру с настоящим изложением дела, для того, чтобы найти на вас удерж».

Картузов решает предупредить полицмейстера о том, что к нему поступит жалоба. Его принимают, он рассказывает историю своего сватовства. Полицмейстер: «— Это очень смешно, что вы говорите.

Полицмейстер подумал.

— Но ведь вам же отказали.

— Но я не слышал ответа от Екатерины Григорьевны.

— Вероятно, и не услышите. И какое вы имеете право ожидать ответа из уст, как вы говорите, когда вы и не знакомы. Ведь вы уже получили ответ?

— Ответ не деликатный, ваше превосходительство.

— Но ведь и вы действовали не деликатно. Другого вы и не заслуживаете.

— Но я влюблен, ваше превосходительство.

— Гм. Влюблен! Это глупо, милостивый государь, что вы говорите.

— В первый раз слышу, ваше п–во!

— Вам отказали.

— Не верю, ваше п–во! Не могу поверить. Я убежден, что тут ошибка и злоба. Меня приняли за другого.

— Странно же, что вы так самонадеянны.

— Мне очень трудно поверить, ваше п–во! Если благородное предложение, то и отказ благородный, а отказ не благородный, ваше п–во!

— От кого же злоба?

— От моих врагов, ваше п–во.

— Врагов! То-то, вы можете еще иметь врагов!

— Почему же мне не иметь врагов, ваше п–во?

— Врагов, милостивый государь, имеют люди почище вас, а вы что? Но позвольте, я все-таки никак не могу понять, для чего вы меня изволили беспокоить?

— Чтобы предупредить, ваше п–во. Меня хотели оклеветать, ваше п–во, а управляющий угрожал жалобой вашему п–ву.

— Быть может, вы что-нибудь сделали кроме того? Натворили там, накуролесили?

— Натворили! Ваше п–во, такое выражение! Ничего не натворил.

— Может быть, они вас принимают просто за шалуна? Да и конечно так.

— За шалуна, ваше п–во? Красною от одной мысли, ваше п–во. Не верю и не хочу верить.

— Мало ли что не хотите! Что вы еще написали там в письме?

— Были еще стихи, ваше п–во.

— А вот, значит, и оказывается. Какие стихи?

— Верх почтительности, ваше п–во. Имею при себе экземпляр.

— Дайте... Как это на дамском седле летать можно? С ветрами? Странное выражение.

— Локон с ветрами, ваше п–во. Когда ветры дуют, то локон развеивается. Это поэтическая мысль, ваше п–во.

—...И наслаждений желаю. Наслаждений... (скривил рот генерал). Это слишком уж откровенно.

— Но это поэзия, ваше п–во. В поэзии позволительно, ваше п–во!

— На службе, милостивый государь, нет поэзии. На службе надо служить, а не поэтизировать. Ну, батюшка, вы таки... (смеется. Вдруг засмеялся и Картузов).

Генерал нахмурился.

— Чего вы смеетесь, милостивый государь? Чего вы ослабляетесь? Вам следует не смеяться, а краснеть, милостивый государь, краснеть! Каких наслаждений вам вдруг захотелось?

— Поэтическая мысль, ваше п–во, в поэзии позволительно.

— Вздор, милостивый государь, вздор! И в поэзии непозволительны неблагопристойности.

— Неблагопристойности! Ваше п-во! — вспыхнул Картузов.

— И так бесстыдно, могу даже сказать, бессовестно выражаете вашу мысль! Имели ли вы *до брака* какое-нибудь право?»

На этом второй вариант обрывается. Возвратимся к первому. После свидания с Кармазиной капитан идет к графу и объявляет ему: «Я убедился, что она вас любит, и вы должны жениться». Граф его гонит. Картузов дает ему пощечину. Его арестуют и по настоянию графа помещают на испытание в госпиталь. Автор прибавляет: «Сумасшествие по интриге графа, но и в самом деле».

«Картузов звал обер-полицмейстера в госпиталь, хотел открыть заговор. Колпак — и ни малейшего смущения, а, напротив, вид какого-то торжества. Спокойный и саркастический тон, твердый взгляд. Пьет чай».

Рассказчик навещает Картузова в сумасшедшем доме и беседует с ним. Капитан говорит: «Я нахожу, что многое очень странно». Задумался и стал говорить об инженерных торгах, лесе, выделке кирпича».

Рассказчик спрашивает его: «— Так неужели же вы бы графу уступили?»

— Гм. Граф — подлец, но граф представителен. У венца они вдвоем составили бы фигуру, прелестную картинку. Что же делать, коли кроме графа никого не было. Ну а я... я... я бы конфеты на свадьбе разносил и, поверьте, что больше бы ничего не желал. Я бы ездил в санях с медведем».

И автор записывает: «*Главное*. Картузов сходит с ума от одной мысли, что осмелился поддаться графу и сделать ей предложение в несчастье. Считает себя подлецом. Его *буквально* убивает мысль, что он ее обидел тем, что, воспользовавшись ее положением, *приравнял* ее себе. Он настаивает на том, что она — *идеал*».

«Его очевидно поразила деревяшка. Он не мог переварить сострадания. Один раз вскрикнул: «Ведь она чуть не вышла за меня, я ведь это видел! Каково унижение, каково падение! Боже мой! Боже мой! ведь она выходила ко мне, может, сама с собой на уме! А нельзя ли, дескать, хоть за этого выйти. Каково это! И наконец, эта деревяшка: тук! тук! тук! забыть не могу. Этаким стебель, этакая лилия... И на дамском седле...»

Можно предположить, что именно в больнице Картузов пишет свое последнее стихотворение «Таракан».

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
Но зато попал в стакан,
(Получив наследство)
Полный мухоедства.
Место занял таракан,
Мухи возроптали,
Тесен стал теперь стакан,
Разом закричали.
Но пока у них шел крик
Подошел Никифор,
Верно, умный был старик...

Картузов комментирует: «Тут я остановился; одним Словом, он их всех взял да и выполоскал в ушат, это было правильно, и тем дело и кончилось». «Тут он задумался, но не очень, а как бывало: приложил руку к глазам и потом спокойно, но довольно важно поглядел на меня, думая совсем о другом и даже, может быть, забыв стихотворение. Вообще он глядел, точно оглядывал».

— Что же, какой же смысл стихов? — спросил было я.

— Гм. А? Что? Какой смысл? сатира, басня, *ничтожное звено*, — произнес он вяло, но снисходительно и как бы совершенно уже едва припомнив про стихотворение. Он даже откинул листок в сторону.

— ...Я хотел было тут сказать: получив наследство, собственно так, для остроты, но

так как тараканы не получают наследства, то я предпочел написать: полный мухоедства.

— Ну, а что значит мухоедство?

— Когда стол нечист, то мухи льнут и падают, происходит мухоедство.

— Я не понял, как же это таракан от детства?

— От детства, т. е. от самых пеленок, или, лучше сказать, от рождения...

— Кто может изобразить Никифора? Правительство?

— Тут не правительство, а недоразумение.

— Недоразумение?

— Недоразумение, во всем недоразумение. Так надо Богу. А мы должны боготворить. Россия есть недоразумение, или, лучше сказать, игра природы. Вся Россия есть игра природы. Никифор тоже игра природы. В Никифоре я изобразил природу... Замечу еще одно: таракан не ропщет...

— Выдерживает характер? Картузов строго посмотрел на меня.

— В лохани не выдерживают характера. Впрочем, вы, может быть, желаете еще чаю?

— Нет, благодарю вас.

— И я вас благодарю». На четвертый день Картузов умер. «Жаждавший успеха в любви и, так сказать, брачных наслаждений (если уж надо упомянуть это слово) — но вот он лежит передо мной с протянутыми голыми ногами в мозолях... Так что это долго и потом представлялось. Я отнюдь не литератор и поэт, прежде всего не поэт, но мне многое страшно в Петербурге. Конечно, все это более было в юности, в век неопытности и впечатлений, но, несмотря на лета, все-таки иногда...»

И автор составляет «надгробное слово Картузову»: «Будь он образован — он стал бы революционером. Совестью чистый фанатик».

Из всех неосуществленных замыслов Достоевского план повести о Картузове наиболее разработан. Записаны большие куски текста, длинные диалоги, подробные характеристики. Несомненно, автор придавал большое значение этому произведению и напряженно над ним трудился. Работа над «Идиотом» отвлекла его от Картузова, потом возникли новые замыслы, и к повести он уж больше не возвращался. Возможно и то, что образ Картузова не вполне его удовлетворял. Стихи, приписанные автором благородному рыцарю, были не только нелепы, но и грубоватоциничны. Вместо добродушного юмора в стиле Диккенса получилась мрачная и тяжелая ирония. И все же эта незаконченная повесть кажется нам художественно очень значительной. Она искусно построена и дает новое раскрытие излюбленного Достоевским типа «мечтателя». Любовь — вера русского Дон Кихота, его смиренное и пламенное служение «идеалу красоты», его гибель от сознания своего преступления против «святости», его понимание «высшего назначения человека» как полного самопожертвования — все это придает образу влюбленного капитана черты глубокой духовности и человечности. Картузов остался в лимбе неродившихся душ, уступив свое право на жизнь брату по духу — князю Мышкину. Но Мышкин «сменив, не заменил его».

Через два года после составления плана «Повести» Достоевский начал писать «Бесы». Неиспользованные заметки не были забыты; часть из них в переработанном виде вошла в новый роман. Прежде всего — «тон»: «Бесы» написаны в форме такой же «хроники», как и «Повесть», — рассказ ведет «незаинтересованное лицо». В «Повести» рассказчик не принадлежит к офицерской среде и только связан личной дружбой с Картузовым; в «Бесах» он — постороннее лицо в городе и дружит только со Степаном Трофимовичем Верховенским. «В «прекрасной амазонке» Елизавете Николаевне (или Екатерине Григорьевне) Кармазиной и ее спутнике — женихе не трудно отгадать Елизавету Николаевну Тушину, разъезжающую верхом в сопровождении жениха Маврикия Николаевича. Письмо Картузова графу, в котором он называет того под лезвием, пощечина, вызов на дуэль и заявление, что стрелять не будет, соответствуют в «Бесах» вызывающему письму Гаганова Ставрогину («Ваша битая рожа»), вызову на дуэль

Ставрогина, его трем выстрелам в воздух и пощечине, которую Шатов дает Ставрогину. Хромая Кармазина напоминает хромоножку Марию Тимофеевну. И в «Повести» и в «Бесах» встречается мотив женитьбы из сострадания. Картузов является к графу и заявляет ему: «Я убедился, что она вас любит, и вы должны на ней жениться». В «Бесах» влюбленный в Лизу Маврикий Николаевич приходит к Ставрогину с тем же предложением. Наконец, образ Картузова генетически связан с двумя персонами в «Бесах». Скромный, краснеющий, молчаливый и верный рыцарь Маврикий Николаевич, самоотверженно любящий Лизу, унаследовал от капитана свое романтическое донкихотство. Его фигура обрисована немногими простыми чертами на втором плане романа. Он как бы бледная тень, отбрасываемая Картузовым на страницы «Бесов». Главным же наследником ревельского капитана является другой капитан — Игнат Лебядкин. На первый взгляд кажется невероятным это превращение «чистого сердцем» рыцаря в пьяного шута и шантажиста. А между тем это так: по загадочной диалектике идей лицо, первоначально задуманное автором как воплощение «прекрасного человека», снижается до отвратительной карикатуры, до маски грязного приживальщика, брата хромоножки Марии Тимофеевны. Это лицо очерчено злобно-саркастически и включено в легион бесов, которыми предводительствует Петр Верховенский.

Что побудило Достоевского приписать одному из бесов своего нового романа две характерные черты Картузова: влюбленность в «амазонку» и сочинение нелепых стихов? Нам кажется, что срыв из возвышенного в низменное произошел именно на почве стихотворного материала. Никакой «безграмотностью» и «наивностью» нельзя было оправдать поэзию Картузова: его стихи не только нелепы, но циничны и пошлы. Разве целомудренный рыцарь Картузов, преклонявшийся перед своей дамой как перед недостижимым идеалом, мог быть автором таких стишков?

И с другой стороны, разве в этом пьяном и грубом косноязычии не заключался уже *словесный образ* капитана Лебядкина? В «Повести» рассказчик убеждает Картузова не говорить всем и каждому о своих сердечных делах. «Они вас шутком считают», — прибавляет он. Из рыцаря, *кажущегося шутком*, вырастет *настоящий шут* — Лебядкин.

Картузов сначала критикует «амазонку» Елизавету Николаевну и потом внезапно в нее влюбляется; Лебядкин — тоже. Липутин говорит о нем: «Влюблен, влюблен, как кошка, а знаете ли, что началось ведь с ненависти. Он до того сперва возненавидел Лизавету Николаевну за то, что она ездит верхом, что чуть не ругал ее вслух на улице, да и ругал же!.. И вдруг сегодня стихи! Знаете ли, что он хочет рискнуть предложением? Серьезно, серьезно!» Лебядкин посылает стихи «Звезде амазонке» и письмо «Совершенству девицы Тушиной», в которое целиком переходит уже известное нам стихотворение Картузова: О как мила она Елизавета Кармазина с заменой «Кармазина» — «Тушина».

От другого произведения Картузова «Краса красот сломала член» в «Бесах» сохранилась только первая строфа. В беседе с Ставрогиным Лебядкин объясняет происхождение этих стихов. В его рассказе мы находим не только краткое изложение идеи «Повести о капитане Картузове», но и характернейшие выражения ревельского героя. Достоевский пародирует себя самого. Лебядкин говорит: «В случае, если бы она сломала ногу», то есть в случае верховой езды... Однажды был поражен, проходя, при встрече с наездницей и задал материальный вопрос: «Что бы тогда было?» — то есть в случае. Дело ясное: все искатели на попятный, все женихи прочь, морген фри, нос утри, один поэт остался бы верен с раздавленным в груди сердцем. Николай Всеволодович, даже вошь и та могла бы быть влюблена, и той не запрещено законами. И, однако же, особа была обижена и письмом и стихами. Да вы, говорят, рассердились, так ли-с? это прискорбно: не хотел даже верить. Ну, кому бы я мог повредить одним воображением?»

Наконец, третье стихотворение Картузова, «Таракан», тоже переходит к Лебядкину. Его комментарии к собственным стихам довольно точно воспроизводят авторские замечания ревельского капитана. Прочитав первую строку, Лебядкин поясняет: «То есть,

когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство, всякий дурак поймет». Кончив чтение, он прибавляет: «Тут у меня еще недокончено, но все равно, словами: «Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать. Но заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет!.. Что же касается до Никифора, то он изображает природу».

Картузов, влюбившись, начинает франтить и мечтает о «светскости». Лебядкин кричит: «Понимаешь ли ты, осел, что я влюблен; я фрак купил, посмотри: фрак любви, пятнадцать целковых; капитанская любовь требует светских приличий».

Слабые отблески рыцарства Картузова падают на Лебядкина; некоторые из афоризмов первого переходят ко второму. Лебядкин говорит: «Передай, что я *рыцарь чести*»; «Есть минуты *блага-а-родного* лица»; «Можно ли умереть единственно от *благородства* своей души?»; «Помоему, Россия есть игра природы, не более»; «Ваши великолепнейшие чертоги могли бы принадлежать *благороднейшему* из лиц»; «Трезвость, уединение и нищета — обет древних *рыцарей*».

Художественное значение идеологических построений и стилистических приемов Достоевского всегда двойственно: за спиной «рыцаря» стоит пародирующий его шут, за плечами богоискателя гримасничает его «золотушный бесенок с насморком». Фигурой Лебядкина Достоевский как будто мстит себе за неосуществленную мечту о «прекрасном человеке».

4. «Смерть поэта» Очень вкратце

Углы. Поэт 26 лет, бедность, заработался, воспаление в крови и нервы, чистый сердцем, не ропщет, умирает, брюхатая жена и двое детей. Бегает и кормит, любит. Отец — эстет (найденный бумажник). Попик, Атеист и доктор-нигилист. Попик чистый Аввакум *en herbe* за православие. Поэт заступился за него против Атеиста — попик чувствует дружбу. Попик бедный, только что поставленный и без места, из остзейской земли, по сборам с другим мать — попадья — Раскольник раз вступился и связывается с атеистом о свободе и свободном человеке (NB по Апостолу Павлу) — ввязывается, когда уж попик спасовал и доказывает, что он понимает лучше свободу. Поэт про обоготворение природы, язычник. Исповедь поэта вслух — вместо предложенной попику по просьбе жены: милая, изящная и восторженная — кончилось питьем шампанского за все... выпил и раскольник. За все, за Христа — за цветок, за жену. Восторженные слова о жене. Раскольник попику: А ты не пей вина или легкомыслен ты и не тверд, млад еще — да сердцем чист — Бог тебя и възьмет — Бред, последние мгновения *Gottes Griechenlands*. Смерть, Раскольник хвалит и обнадеживает жену, хвалит и попка.

Подсочинить повесть (будет, как «Бедные люди», только больше энтузиазма) — в Углах совершилась кража или преступление или чтонибудь, а может, и нет.

Жена раскольнику быть родня — и т. д. (всего 12 листов *maximum*).

Возвратившийся из-за границы господин. 6 лет (Виноват, что не выдержал и воротился). Племянник его завел в углы. С содержателем углов и дома у приезжего из-за границы дело — Нечаев. Кулишов донес на Нечаева (А может, и сам хозяин) — хозяин поддерживал попка и потом — ничему не верю. — С хозяином жена поэта в ладах, но не в связи, хозяин добивается, но любит племянника приезжего и ждет. Он (т. е. племянник) ревнует к хозяину, наблюдает за ним и удивлен, когда дядя сообщил ему, что он, кажется, видел ее у хозяина. Последняя исповедь вслух надорвавшегося поэта (застрелился) трогательный юмор и высокое искусство) —

Доктор-нигилист.

Пан Пшепярдовский.

и Б-нов.

Полиция входит и берет.

NB. У поэта отчасти (*главное*) стыд, что жена знает о его потворствах к хозяину, из-за слабости, за деньги. Поэт должен хозяину.

Дырочкин.

5. «Романист»

Романист (писатель). В старости, а главное от припадков впал в отупение способностей и затем в нищету. Сознывая свои недостатки, предпочитает перестать писать и принимает на бедность. Жена и дочь. Всю жизнь писал на заказ. Теперь уж он не считает себя равным своему прежнему обществу, а в обязанностях перед ним. Критики, которым он, однако, про себя говорит *подлецы* (ниже всех будто бы: в результате же выше всех); эпизоды из своей бывшей жизни, как бы в назидание детям и проч. Публичные лекции. О том как много идей выдумал и литературных и всяких. Тон как будто насмешки над собой, но про себя: «а ведь это так». Как его и дети, и жена, и М-в² считают за ничто. Как подают ему Т-в³, Гончаров, Плещеев, Аксаков, поругался с С-м⁴. Как про себя вдруг написал превосходное произведение, слава и деньги и проч. и проч. NB. *тема богатая*. Ну, положим, с графом Л. Толстым или с г. Тургеневым (NB. никогда с просто Тургеневым без г.) не равняю: даже с другим графом Толстым не равняю, но реалист Писемский это другое дело. Ибо это водевиль французский, который выдают нам за русский реализм.

NB. О скоротечности жизни и рассказ — поэтическое произведение вроде Сна Обломова о Христе — и про себя потом, это стоит по 200 руб. с листа, а я им это даром, а они думают, что мне благодетельствуют.

— О направлении и идеях, бывших в литературе.

В первой заметке смерть поэта связывается с эффектной предсмертной исповедью — восторженным благословением всему, в духе «Богов Греции» Шиллера. Вокруг него располагаются попик (представитель православия), раскольник, рассуждающий о свободе по Апостолу Павлу, атеист и доктор-нигилист. Между ними происходит диспут о вере. Автор хочет написать чувствительную повесть, вроде «Бедных людей», но с большим энтузиазмом. Позже (конец ноября) он усложняет интригу: жена поэта любит «племянника», который возвращается из-за границы, ее любви добивается хозяин углов. Появляются имена Нечаева и Кулишова, сближающие эту заметку с набросками к «Бесам». У поэта есть черты, общие с Шаговым. «Попик» часто встречается в заметках к «Бесам».

Идеологическая тема «Бесов» уже намечена: противопоставляются православие (будущий Шатов), язычество (будущий Степан Трофимович), атеизм (будущий Ставрогин) и нигилизм (будущий Петр Верховенский).

Роман о писателе — чисто автобиографический. В него должна была войти литературная полемика, воспоминания и размышления о литературных направлениях. Тон предполагался саркастический.

6. «Мысль на лету».

В губернский город приезжает фельдмаршал с беременной любовницей. (Прельстить опять мужа.) Муж с правилами, самосовершенствование, подкидные дети. Не пленяется,

² Миллюков.

³ Тургенев.

⁴ Салтыков-Щедрин.

но ровен и любит. Входя в желание обольстить мужа, она обольщается сама. Князь потерянный человек. Желает она бежать, наконец, от обольщения, ибо поддалась, князя выводит из себя, тот ревнует к мужу, бьет его по лицу, убивает (но не убил) (NB. она убить подзадорила, но не говорила словами, а разжигала ревность). Когда же тот выстрелил в мужа — бросила князя — и окончательно отдалась мужу — князь убил себя? (NB. Муж принял, но только что принял, так она и соскучилась. С гимназистом, с губернатором — Пустынник — Мария Египетская. — Князя заставляет оскорбить свою мать. (Эксперименты над князем поминутно).

NB. Соблазняет мужа до того, что отдается ему. NB. Она из-за границы и хочется посмотреть на нигилиста. Приезжает — один учитель — нигилист. (Убийство мужа; князь входит в дружбу и подговаривает? нигилистов убить.).

Была на казни Тропмана. Описание казни. О том, что он был прелестен.

NB. Или учитель ее отвергает, т. е. не отвергает, но не прельщает (хоть, может быть, и имел). Тогда она мстит ему и, когда отмщает — (убивает), тогда плачет, — князь трагическая фигура (в нем зерно приключений и происшествий романа). — Жена, бывшая на содержании у фельдмаршала, отдается им с вознаграждением мужу, — учителю, кружит ему голову, заставляет его оскорбить его мать, убивает фельдмаршала, заставляет мужа драться на дуэли с оскорбителем (одним молодым князем, любовником ее на минуту), переворачивает всю губернию, умирает, наконец, при рыдающем муже.

В июне 1870 года Достоевский разрабатывал идеологические отношения между Ставрогиным и Шаговым. В учителе, к которому возвращается беременная жена, можно видеть очерк фигуры Шатова. В «трагической фигуре» князя намечаются черты Ставрогина. В «Бесах» личность жены Шатова отходит на второй план и лишается своих «демонических» свойств.